

— Мне нужно время, чтобы подтвердить это, — ответил Вейдер, видя, как Лея понимающе кивает. — Хотя я чувствую, что ты не лжешь мне о том, что только что рассказала, образец ДНК без сомнения докажет, что ты моя дочь, ребенок Падме. — Он чувствовал, что сомнения все равно останутся, несмотря на то, что Сила велела ему доверять ей. — Прежде чем ты уйдешь, тебе нужно знать еще одну вещь, — сказала Лея, заметив, как он направляется к двери, но останавливается, чтобы повернуться. — Еще? — недоверчиво переспросил Вейдер, явно не веря, что может быть больше, и приковав к себе все его внимание. — Я не единственный ваш ребенок. У вас также есть сын. Мой близнец. Его зовут Люк, — ответила Лея, видя, как он стоит совершенно прямо, и представляя, как потрясение от этой новости захлестнуло его. — Сын? У меня тоже есть сын? Где он? — спросил Вейдер, перебирая в уме возможные варианты и выбирая самых верных агентов в Империи, чтобы найти сына, когда все закончится. — Я не знаю. Думаю, нас разлучили при рождении. Я слышала, как мои приемные родители однажды упомянули генерала Кеноби и что он, возможно, присматривает за ним. Они не сказали, где именно, — ответила Лея, видя, как он слегка зашагал по комнате, словно голодный хищник, готовящийся к охоте. — Кеноби! Конечно, он забрал бы моего сына, оставив тебя с Бэйлом Органой. Превратив моего сына в джедая, чтобы он сражался со мной на одном фронте, и одновременно превратив тебя в искусного политика, как твою мать, на втором. Ты не знал, с кем сражался на самом деле, и, без сомнения, скрыл бы это от вас обоих до тех пор, пока они не насладились бы своей победой, — гневно произнес Вейдер, проклиная Оби-Вана за то, что тот не только искалечил его все эти годы, сгорая при этом почти до смерти, но и настроил против него его собственных детей, сделав пешками в своих злобных попытках уничтожить одного из своих бывших братьев из павшего Ордена. — Я не знаю, занимался ли Оби-Ван этим с Люком. Прости, если я тебя расстроила. Я... я не хочу, чтобы вы на меня сердились, — ответила Лея, и Вейдер, остановив свой шаг, посмотрел на нее и сделал единственное, что удивило женщину. Он положил удивительно нежную руку ей на плечо, оберегая. — Вам не за что извиняться, что вы сообщили мне эту информацию. Я злюсь не на вас. Я сержусь на тех, кто отнимает детей у моей жены и превращает их в пешки, чтобы добраться до меня, — сказал Вейдер, ощущая удивительную теплоту Силы — Светлую сторону, которую он чувствовал в себе сейчас, несмотря на окружающую его тьму. — Ты же не собираешься... пытаться меня, чтобы получить информацию о базе повстанцев? Потому что даже если ты попросишь меня об этом... я не смогу и не захочу тебе рассказать, — сказала Лея, видя, как он отшатнулся назад, словно его ударили. — Неужели ты думаешь, что я так поступлю с тобой? Что я причиню боль собственному ребенку? Поднять руку на дочь женщины, которую я любил? — спросил Вейдер, и Лея отрицательно покачала головой. — Я не верю, что ты причинишь мне вред. Не сейчас. Не тогда, когда ты узнаешь правду обо мне. Я хочу верить в то, что ты когда-то был тем, кем был в жизни. До того, как стать Дартом Вейдером. Я хочу верить в то, что человек, которого любила моя мать, все еще существует в тебе, — сказала Лея, а Вейдер лишь на мгновение посмотрел на нее, желая увидеть выражение его лица за маской. — Я скоро вернусь, как только подтвержу то, что мне уже известно о нас. Когда я вернусь, вы должны дать мне название планеты. Прежде чем вы будете протестовать, я не прошу назвать местоположение нынешней базы повстанцев, а прошу назвать планету, на которой могла бы располагаться база повстанцев. Даже старой базы с явными признаками использования Повстанцами будет достаточно, чтобы удовлетворить Таркина и на некоторое время лишить его возможности использовать эту боевую станцию, — ответил Вейдер, видя, как Лея понимающе кивнула и начала прикидывать, какую базу Повстанцев могли бы использовать ее товарищи по организации, не выдавая основную базу. — Я буду ждать, — ответила Лея с улыбкой, и Вейдер почувствовал, как слегка улыбнулся за своей маской. — Ты так похожа на свою мать. Не могу поверить, что пропустил это, — прошептал Вейдер, заметив, как Лея улыбнулась при упоминании Падме, и стало ясно, что она хочет узнать о женщине, которая так много привнесла в его жизнь, когда он рос. — Я бы хотела узнать о ней больше. Информация, которую я прочитала, — это только то, что записано в документах, и я боялась, что дальнейшие

расспросы привлекли бы нежелательное внимание некоторых агентов Императора, — сказала Лея, и Вейдер кивнул, поскольку подобные расспросы действительно привлекли бы внимание. Вейдер должен знать, ведь он лично создал их вокруг своей прежней жизни и жизни Падме в поисках информации. — И ты будешь. Я обещаю тебе. Я хорошо знал твою мать и хочу поделиться с тобой... и твоим братом тем, что знаю о ней, — ответил Вейдер, несмотря на то что ему было больно не только возвращаться в прошлое, но и рассказывать о нем дочери и сыну, а последний, без сомнения, был отравлен ложью джедаев. Не говоря больше ни слова, Вейдер покинул комнату, и мгновение света и понимания произошедшего исчезло. Как будто его и не было. Система охранных голокамер не записывала разговоров в комнате — его власть над Силой, подавляющей их, позаботилась об этом, а взгляд на персонал, отвечающий за эту зону, сказал им, чтобы они держали язык за зубами. Таркин, конечно, поднимет шум, потребует объяснений и, несомненно, напомнит Вейдеру о его "верховной власти", которой он обладал на Звезде Смерти. Вейдер мог с ним справиться, просто ему нужно было напомнить, что Сила, а не Звезда Смерти — главное оружие в Галактике, и не стоит шутить с тем, кто может управлять ею, как Вейдер, когда это необходимо. Но сейчас у лорда ситхов были более насущные дела, и они касались его дочери, которая подтвердила, что она действительно его ребенок по крови. Ребенок Падме. Один из двух! Близнецов! Падме родила близнецов! Она умерла не от его руки, как он думал. Как ему говорили. Это означало, что Император солгал ему в тот роковой день, когда надел этот ужасный костюм. Она умерла не от его рук. По крайней мере, не напрямую. Маленькая милость, если таковая вообще была, ведь он мог хотя бы сказать, что Падме не умерла от его действий, и Силовое удушение, о котором он сожалел, не привело к тому, что жизнь Падме оборвалась. Вейдер не знал, как на самом деле умерла Падме. Но видение, где она угасала в родах, было слишком ясным, слишком реальным. Оби-Ван был там. Не только его бывший учитель, но и Бэйл Органа, и, возможно, ещё кто-то. Могли ли эти лидеры повстанцев знать правду? Рассказали ли им Бэйл или Оби-Ван? Всё ли в порядке с Люком? С ним обращались правильно? Хотя бы вежливо? Или же повстанцы, как Оби-Ван, использовали его как безэмоциональное оружие, чтобы уничтожить сира, которого он никогда не видел? Попытаются ли они стереть все черты Скайуокера, которые мог унаследовать его сын? Сама мысль о том, что его сына превратят в то, что им нужно, а не дадут истинной природе мальчика раскрыть весь свой потенциал, наполняла Вейдера яростью, какой он не испытывал с тех пор, как поверил, что Падме погибла от его руки. Отбросив на время эти мысли, Вейдер вошёл в ближайшую лабораторию. Его появление вызвало мгновенную тишину, словно удар молнии. — Оставьте меня! — прогрохотал он, и все послушно удалились. Никто не спорил, не протестовал, не задавал вопросов. Никто, кроме Императора, не смел ослушаться. Подойдя к системе анализа ДНК, Вейдер достал прядь волос. Точнее, волос Леи. Он легко завладел ими, используя Силу, чтобы они упали с её головы и попали ему в руку, когда он положил их ей на плечо. Возможно, это было обманчиво, но он не мог смириться с мыслью брать образец крови, вызывая дроида-дознателя, или внезапно вырывать прядь волос так, что его ребенок поморщится от боли. Нет. Он сделает это тонко. Безболезненный способ, который поможет ему подтвердить то, что, как он знал в глубине души, было правдой, и облегчить боль, которая вот уже двадцать лет отзывалась в его душе.